

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЗВЕЗДЫ ВЗАМЕН
ДОМА

Сергей Патрушев

Звёзды взамен дома

<https://litres.ru/74435283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рухнул в одночасье. Ядерный удар, цепная реакция, распад планеты — всё, что Дарья знала, превратилось в пепел за считанные часы. Двадцатилетний детектив, чудом выжившая в подвале разрушенного города, выбирается на поверхность и понимает: человечество мертво.

У неё остаётся только один адрес — координаты загородной лаборатории учёного Николая, гениального физика, которого когда-то отвергли и высмеяли. Он единственный, кто предвидел катастрофу.

Единственный, кто готовился. Вместе они собирают ковчег из обломков старого военного спутника и деталей, найденных в заброшенных бункерах. Но спасение оказывается горьким: Земля умирает, запасы ограничены, а времени почти нет. Их единственный шанс — далёкая звезда, красный карлик, где, возможно, есть планета, пригодная для жизни.

Двое, одна собака-робот и корабль, собранный из мусора, летят в неизвестность. Это история о конце мира и начале чего-то нового.

Содержание

Глава 1. Последний день детектива	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Патрушев

Звёзды взамен дома

Глава 1. Последний день детектива

Дождь в этом городе никогда не пах чистотой. Он пах ржавчиной, мокрым бетоном и старой гарью, которая, казалось, впиталась в самую почву много лет назад, когда здесь еще работали заводы, дымили трубы и люди верили, что будущее будет светлым. Теперь будущее было серым, как пепел, и липким, как эта грязь, что набивалась в трещины на асфальте. Дарья стояла на коленях в луже грязной воды, не обращая внимания на то, как холодная влага пропитывает ткань ее строгих брюк, как она затекает в туфли, как отвратительно хлюпает под коленями. Ей было двадцать лет, но в ее взгляде читалась та тяжелая, свинцовая усталость, которая обычно приходит к людям гораздо позже — после десятков лет работы, после сотен вскрытых дел, после тысяч разочарований. Она смотрела на обломок бетонной плиты, торчащий из земли, как гнилой зуб, и пыталась найти хоть одну зацепку, хоть одну ниточку, которая могла бы привести ее к разгадке.

Это был ее последний день в качестве детектива. Она еще не знала этого. Никто не знал. Солнце еще не взошло над горизонтом, чтобы возвестить о начале конца, но где-то там, за толщей облаков, за серой пеленой дождя, уже разворачивались события, которые через несколько часов сотрут этот город с лица земли. Дарья не чувствовала этого. Она чувствовала только холод, сырость и легкое раздражение от того, что дело, за которое она взялась, казалось ей все более запутанным и все менее перспективным.

— Ты уверена, что он был здесь? — спросил голос за спиной. Хриплый, простуженный, с той характерной осиплостью, которая появляется у людей, много курящих и мало спящих.

Дарья обернулась. Сергей Петрович, старый оперативник, который работал еще с ее отцом, стоял, кутаясь в промокший насквозь плащ. Плащ был когда-то черным, но теперь стал серо-бурым, покрытым пятнами грязи и разводами от дождя. В его руке дрожал фонарик, выхватывая из серой мглы куски разрушенной стены, битый кирпич, ржавую арматуру, торчащую из бетона, как кости из разрытой могилы. Сергей Петрович был мужчиной шестидесяти лет, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, и глазами, которые видели слишком много, чтобы еще чему-то удивляться. Он служил в органах сорок лет. Он хоронил друзей, коллег,

жену. Он привык к смерти, как к старой знакомой, которая всегда где-то рядом, за углом, ждет своего часа.

— Уверена, — отрезала Дарья, поднимаясь. Она отряхнула колени, и этот жест вышел у нее механическим, почти королевским. Даже в этом богом забытом месте, среди руин старого промышленного района, где когда-то кипела жизнь, а теперь остались только крысы и бомжи, она умудрялась выглядеть так, будто только что вышла из дорогого салона. Красота Дарьи была не мягкой, не женственной в том смысле, который обычно вкладывают в это слово. Она была острой, как лезвие, как осколок стекла, как холодная сталь. Темные волосы, забранные в тугий пучок, высокие скулы, бледная кожа, и глаза — серые, пронзительные, способные видеть ложь за милю, способные смотреть в душу человека и находить там то, что он пытался спрятать даже от самого себя. Она была красива той опасной красотой, которая одновременно притягивала и отталкивала, которая заставляла мужчин оборачиваться, а потом жалеть об этом.

— Свидетели — это такая вещь, — проворчал Сергей Петрович, шмыгая носом. Он вытер нос рукавом плаща, и этот жест был настолько привычным, настолько обыденным, что Дарья даже не поморщилась. — Они видят то, что хотят видеть. Или то, за что им заплатили. Ты знаешь, сколько раз я сталкивался с тем, что свидетель клялся и божился, что

видел человека, а потом оказывалось, что он видел совсем другого? Или никого не видел? Или видел, но не того, кого надо?

— Этот не из таких, — Дарья шагнула вперед, к темному зеву подвала. Оттуда тянуло сыростью и чем-то сладковатым, приторным, тошнотворным. Запах разложения. Но не человеческого. Она слишком хорошо знала, как пахнет разлагающееся человеческое тело. Этот запах был другим. Химическим, что ли. С примесью чего-то металлического, кислого. — Ты чувствуешь?

— Химия, — пожал плечами оперативник. — Тут заводы были. Может, кислота какая-нибудь осталась. Может, реактивы. Мало ли что здесь хранили. Ты же знаешь, какие тут были производства. Военные заказы, секретные разработки. Может, здесь вообще что-то запрещенное делали.

— Нет, — Дарья покачала головой, и в ее глазах вспыхнул азартный огонек. Она любила этот момент. Момент, когда хаос фактов начинал складываться в стройную картину, когда разрозненные кусочки пазла вдруг соединялись, образуя единое целое. Это было почти физическое удовольствие, почти наркотик. Момент истины. Момент, ради которого она жила. — Это не кислота. Это органика. Но не человек.

Она шагнула в темноту, включив свой фонарь. Луч скользнул по стенам, покрытым плесенью и странными символами, нацарапанными мелом. Символы были не похожи ни на что, что она видела раньше. Не буквы, не цифры, не иероглифы. Что-то среднее. Геометрические фигуры, соединенные линиями, образующие сложный узор, который, казалось, жил своей собственной жизнью. Он пульсировал. Или это только казалось? Дарья моргнула, и наваждение исчезло. Просто мел. Просто стена. Просто старый подвал.

Пропавший мужчина, Игорь Валеев, инженер-электрик, не был ни политиком, ни мафиози. Обычный человек, который вдруг бросил работу, перестал отвечать на звонки и исчез. Его жена плакала в кабинете Дарьи два дня назад, умоляя найти его. Она говорила, что он изменился за последний месяц. Стал замкнутым, раздражительным. По ночам что-то бормотал во сне. Что-то про энергию, про резонанс, про то, что «все скоро изменится». Дарья тогда не придавала значения этим словам. Мало ли что бормочут люди во сне. Но теперь, стоя в этом подвале, среди странных символов и запаха химии, она начала думать, что, возможно, жена Игоря была права. Возможно, он действительно знал что-то. Что-то важное. Что-то опасное.

Подвал был огромным, разделенным на отсеки. Когда-то здесь, вероятно, располагались склады или производствен-

ные помещения. Теперь все было разрушено, покрыто пылью и плесенью. В одном из углов Дарья заметила странную конструкцию. Это не было похоже на генератор или насос. Это не было похоже ни на что, что она видела раньше. Это было похоже на... клетку. Клетку из медной проволоки, сплетенную в сложный узор, напоминающий паутину. Проволока была *thick*, покрытая зеленым налетом окисла, но все еще проводящая. Дарья чувствовала это. Странное покалывание в кончиках пальцев, когда она приблизила руку. Внутри клетки на полу лежал сгоревший дочерна предмет.

Она присела, рассматривая его. Это был телефон. Обычный смартфон, но оплавленный так, будто его держали в эпицентре пожара. Или в эпицентре чего-то другого. Чего-то, что было горячее огня. Чего-то, что плавilo металл и пластик, но не оставляло следов сажи. Дарья достала из кармана пакет для вещественных доказательств и осторожно, через ткань, подняла телефон. Он был теплым. Не горячим, не обжигающим. Теплым, как живое тело.

— Игорь был здесь, — прошептала она. — И он что-то делал. Что-то, что сожгло его телефон.

— Может, короткое замыкание? — предположил Сергей Петрович, но уже без прежней уверенности. Он тоже почувствовал это. Странное электрическое напряжение в воздухе,

от которого волосы на руках вставали дыбом, от которого зубы начинали ныть, а в висках появлялась тупая, ноющая боль. — Может, он что-то ремонтировал. Может, его ударило током.

— Нет, — Дарья покачала головой. — Это не ток. Это что-то другое. Что-то, чего я не понимаю. Пока не понимаю.

Она встала, продолжая осматривать подвал. Луч фонаря выхватывал из темноты все новые и новые детали. Вот стол, заваленный бумагами. Чертежи, схемы, формулы. Дарья не была физиком, но даже она понимала, что эти записи не имеют ничего общего с обычной электрикой. Здесь были уравнения, которые она не могла прочесть, символы, которые она не могла распознать. И среди всего этого — фотография. Семейная фотография. Игорь, его жена, двое детей. Улыбающиеся, счастливые. Снимок был сделан несколько лет назад. Дарья взяла фотографию, посмотрела на нее. Вот кем был этот человек. Мужем, отцом. Человеком, который любил свою семью. И который сейчас, вероятно, был мертв.

Внезапно где-то наверху, на поверхности, раздался звук. Сначала тихий, похожий на вой раненого зверя. Потом он стал нарастать, заполняя собой все пространство. Это была сирена. Но не привычная пожарная тревога или сигнал полицейской машины. Это был протяжный, леденящий ду-

шу вой, который, казалось, шел из самого сердца земли, из самых глубин ада. Он вибрировал в костях, заставлял зубы ныть, а сердце — сжиматься в комок.

— Что за черт? — Сергей Петрович поднял голову. — Учения, что ли?

Дарья замерла. Она узнала этот звук. В детстве, в школе, им показывали старые фильмы про войну. И там был точно такой же звук. Сигнал воздушной тревоги. Только в фильмах он звучал приглушенно, как эхо далекого прошлого, как страшилка, которой пугают детей. А сейчас он бил по ушам, вибрировал в костях, заставляя зубы ныть. Он был реальным. Он был здесь. Он был сейчас.

— Это не учения, — сказала она, и голос ее внезапно охрип. Она посмотрела на свой телефон. Экран был мертв. Ни сети, ни вай-фая. Только черный прямоугольник, отражающий ее испуганное лицо. — Связи нет.

— Глушилка, — махнул рукой Сергей Петрович. — Может, проверяют что-то. Может, спецслужбы работают. Мало ли что.

— Нет, — Дарья бросилась к выходу, перепрыгивая через лужи, через обломки, через битый кирпич. — Надо наверх.

Немедленно.

Они выбежали из подвала, тяжело дыша. Дождь усилился, превратившись в ливень. Небо над полуразрушенным городом было не серым, а каким-то багровым, будто там, за облаками, разгорался гигантский пожар. Сирены выли со всех сторон. Казалось, весь мир кричит от ужаса. Казалось, сама земля стонет от боли.

Дарья выбежала на открытую площадку перед заводом. Отсюда открывался вид на город. Вернее, на то, что от него осталось. Кварталы разрушенных пятиэтажек, остовы заводских труб, и где-то вдалеке, на горизонте, яркая вспышка света. Она была такой яркой, что на мгновение ослепила Дарью. Она зажмурилась, прикрывая лицо рукой. Свет был белым, как солнце, но в нем были оттенки красного, оранжевого, фиолетового. Он был живым. Он был смертоносным.

— Ложись! — закричал Сергей Петрович, но его голос утонул в нарастающем гуле.

Дарья не успела упасть. Ударная волна накрыла их мгновенно. Это не был звук. Это была физическая сила, которая сбила ее с ног, отшвырнула, как тряпичную куклу, к стене здания. В ушах стоял звон, переходящий в высокочастотный писк. Воздух стал горячим, обжигающим легкие. Дарья уда-

рилась спиной о бетон, и на секунду мир померк.

Очнулась она от того, что что-то тяжелое придавило ей ногу. Она открыла глаза, но ничего не увидела. Тьма была абсолютной, густой, как смола. Только где-то далеко, навверху, сквозь толщу земли и бетона пробивался тусклый, кроваво-красный свет. И тишина. Такая тишина, что было слышно, как стучит кровь в висках. Такая тишина, что казалось, будто мир перестал существовать. Будто осталась только она, Дарья, и эта тьма, и эта боль.

— Сергей Петрович? — позвала она, и голос ее прозвучал глухо, будто из-под воды. — Петрович!

Ответа не было. Только где-то капала вода. Кап. Кап. Кап. Ритмично, как метроном смерти. Дарья лежала, боясь пошевелиться. Она слушала это капанье, и в голове ее проносились мысли, одна за другой. Что произошло? Ядерный удар? Террористы? Война? Почему не было предупреждения? Почему сирены завывали так поздно? Или это она не слышала их раньше, потому что была в подвале? Сколько времени прошло? Минуты? Часы? Она не знала.

Дарья попыталась пошевелиться. Тело болело, будто по нему проехал каток. Она осторожно потрогала голову. На затылке была липкая, теплая жидкость. Кровь. Пальцы нащу-

пали на ногу тяжелую бетонную плиту. Она не чувствовала ногу, но, к счастью, могла шевелить пальцами. Значит, перелома нет. Просто придавило. Она попробовала сдвинуть плиту. Бесполезно. Слишком тяжело. Слишком много обломков сверху.

Она начала действовать методично, как учил отец. Оценить обстановку. Выжить. Найти выход. Отец был военным. Он учил ее, что в любой ситуации главное — не паниковать. Паника убивает быстрее, чем пуля. Паника затуманивает разум, лишает сил, превращает человека в животное. Надо думать. Надо действовать. Шаг за шагом. Дюйм за дюймом.

Она напрягла мышцы, пытаясь сдвинуть плиту. Бесполезно. Тогда она начала копать. Пальцами, ногтями, разгребая мелкие обломки, пыль, битый кирпич. Она не знала, сколько прошло времени. Час, два, может быть, больше. В полной темноте время теряло смысл. Была только боль, страх и желание выбраться. Была только она и эта плита, и эта тьма, и это капанье воды где-то вдалеке.

Наконец, ей удалось освободить ногу. Она отползла в сторону, прислонилась к стене. Дышать было трудно. Пыль забивала легкие, вызывая приступы кашля. Каждый вдох отдавался болью в ребрах. Может, сломаны. Может, трещины. Неважно. Она жива. Она все еще жива. Она проверила кар-

маны. Телефон разбит. Зажигалка — есть. Небольшой блокнот и ручка. И пистолет. Кобура была на месте, но сам пистолет, казалось, исчез. Она нашла его в пыли под ногами. Тяжелый, холодный металл. Это придало ей сил. Это была не просто вещь. Это был символ. Символ того, что она не сдалась. Символ того, что она борется.

Она поползла. Наверх. Туда, где был свет. Обломки, арматура, куски стен. Она карабкалась, обдирая руки, разрывая одежду. В какой-то момент она наткнулась на что-то мягкое. Под пальцами — ткань плаща. Сергей Петрович. Он лежал лицом вниз, придавленный огромной бетонной балкой. Дарья потрогала его шею. Пульса не было. Тело уже начинало остывать. Он был мертв. Мертв, как сотни, как тысячи, как миллионы других людей, которые еще час назад жили, дышали, любили, ненавидели, строили планы на будущее.

Она не заплакала. Слез не было. Была только пустота. Она закрыла ему глаза, прошептала что-то, похожее на молитву, хотя никогда не верила в Бога, и поползла дальше. Она не могла позволить себе горевать. Не сейчас. Позже. Если будет это «позже». Если будет время. Если будет место.

Выход нашелся неожиданно. Пролом в стене, через который пробивался свет. Дарья выбралась наружу и замерла, ослепленная.

Мир, который она знала, исчез. Город, который она видела час назад, превратился в руины. Не было ни домов, ни улиц. Только бесконечное поле обломков, дымящихся, обугленных, покрытых серым пеплом. Небо было затянуто тяжелыми, свинцовыми тучами, сквозь которые не пробивалось солнце. Шел дождь. Но это был не обычный дождь. Капли были черными, маслянистыми, они оставляли на коже грязные разводы и жгли, как кислота. Дарья подняла голову, и капля упала ей на лицо. Она почувствовала, как кожа начинает зудеть, как будто под ней что-то шевелится. Она вытерла лицо рукавом, но зуд не прошел.

Дарья стояла на коленях, глядя на этот новый мир. В голове было пусто. Только одна мысль билась в висках, как застревшая пуля: «Я жива. Я все еще жива». Но что это значило? Что значит быть живой в мире, где все мертво? Что значит дышать, когда воздух отравлен? Что значит думать, когда разум отказывается принимать реальность?

Она осмотрелась. Вдалеке, среди руин, угадывались очертания того, что когда-то было центром города. Теперь там был только кратер. Огромный, дымящийся кратер, вокруг которого все было выжжено дотла. Радиация. Она не чувствовала ее, но знала, что та невидима. Она убивает медленно, но верно. Она проникает в кости, в кровь, в ДНК. Она

разрушает изнутри. Надо уходить. Надо найти убежище. Надо найти воду и еду. Надо найти других выживших. Если они есть.

Дарья поднялась. Ее шатало. Она достала блокнот. Вода размыла чернила, но некоторые записи еще можно было прочесть. Она переворачивала страницы, пока не наткнулась на одну, которую вела неделю назад. Это было не по текущему делу о пропаже Игоря. Это было старое дело, которое она вела месяц назад. Странное дело. Дело об ученом, который исчез, оставив после себя странные чертежи и записи.

Николай. Она помнила это имя. Николай Строев. Гениальный физик, который работал в закрытом НИИ. Он пропал. Просто исчез из своей квартиры, оставив включенным компьютер и недопитый чай. Его искали, но не нашли. Дело закрыли за отсутствием состава преступления. Но Дарья тогда почувствовала что-то неладное. Что-то в этом деле было не так. Слишком чисто. Слишком гладко. Слишком быстро его закрыли. Она запомнила адрес. Адрес его загородного дома, который он арендовал для работы. Это было далеко от города. В лесу.

Она перевернула страницу. Там были записаны координаты и адрес: «Лесной массив, поселок Сосновый, улица Лесная, дом 7». И приписка, сделанная ее рукой: «Странные

чертежи. Похоже на схему генератора. Но чего?». Она тогда не придавала этому значения. Мало ли какие чертежи могут быть у физика. Но теперь, стоя среди руин мертвого города, она начала думать, что, возможно, это было не совпадение. Возможно, Николай знал что-то. Что-то, что могло бы объяснить то, что произошло. Или, что еще важнее, что-то, что могло бы помочь выжить.

Дарья закрыла блокнот и спрятала его во внутренний карман куртки. У нее был план. Единственный план в этом мертвом мире. Идти к Николаю. Она не знала, жив ли он. Не знала, найдет ли она там убежище. Но это был единственный адрес, который у нее остался. Единственная ниточка, ведущая в прошлое, в мир, которого больше нет.

Она проверила пистолет. Магазин полный. Запасная обойма в кармане. Это хорошо. В новом мире оружие может понадобиться. Не для защиты от людей. Для защиты от того, что может скрываться в тени. От того, что может выползти из руин. От того, что может быть голодным.

Она посмотрела на город. Там, внизу, под обломками, остались люди. Мертвые. Или умирающие. Она не могла им помочь. У нее была только одна цель — выжить. Это эгоистично. Это жестоко. Но это правда. В мире, где все мертво, выживание — это единственный закон. Единственная мо-

раль. Единственная религия.

Дарья развернулась и пошла прочь от руин. В сторону леса. Дождь хлестал по лицу, ветер выл, поднимая в воздух пепел. Она шла, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова. Каждый шаг отдавался болью в теле, но она не останавливалась. Она думала о Николае. О его глазах, которые она видела всего один раз, когда допрашивала его ассистента. Глубокие, темные, как космос. Он был странным. Отстраненным. Но в нем чувствовалась какая-то сила. Сила, которая могла быть полезной. Сила, которая могла быть опасной.

Она вспомнила слухи. Говорили, что Николай строил «странные чертежи». Что он пытался создать устройство, способное защитить от чего-то. От чего? От ядерного удара? От радиации? Или от чего-то более страшного? Что-то, что он предвидел. Что-то, к чему готовился.

Дарья не верила в конспирологию. Она верила в факты. Но сейчас факты говорили о том, что мир мертв. А если Николай знал об этом заранее, если он готовился, то у него могли быть ответы. Или, по крайней мере, бункер с едой и водой. И, возможно, другими выжившими.

Она шла несколько часов. Лес встретил ее тишиной. Мертвой, зловещей тишиной. Деревья стояли черные, обуг-

ленные, без листьев. Дождь здесь был слабее, но воздух был пропитан запахом гари и какой-то химической горечи. Дарья шла по компасу, который был встроен в ее наручные часы. Часы еще работали. Стрелки двигались, отсчитывая секунды новой, страшной эпохи. Эпохи, которая началась час назад. Эпохи, которая, возможно, никогда не закончится.

К вечеру она дошла до поселка. Вернее, до того, что от него осталось. Дома были разрушены, некоторые сгорели дотла. Но дом номер семь на улице Лесной стоял. Он был цел. Это было странно. Вокруг все превратилось в пепел, а этот дом, окруженный высоким забором из странного, матово-черного материала, стоял невредимым. Даже стекла в окнах были целы. Даже крыша не была повреждена. Будто апокалипсис обошел его стороной. Будто кто-то защитил его. Или будто он сам был защитой.

Дарья подошла к калитке. Она была заперта. Она нажала на кнопку звонка. Тишина. Она постучала. Никого. Тогда она перелезла через забор. Он был странным на ощупь. Не холодный, не горячий. Он будто вибрировал под пальцами. Слабое, почти незаметное электричество. Дарья почувствовала, как волоски на руках встали дыбом. Как будто забор был живым. Как будто он дышал.

Она спрыгнула на землю. Двор был чистым. Ни пыли, ни

пепла. Будто здесь был другой мир. Мир, который не коснулся апокалипсис. Мир, который существовал по другим законам. Дарья подошла к двери. Дверь была стальная, тяжелая. Она постучала рукояткой пистолета.

— Николай! — крикнула она, и голос ее сорвался. — Николай, открой! Это Дарья! Детектив!

Тишина. Она прислушалась. Где-то внутри дома, за толстыми стенами, послышался звук. Шаги. Медленные, тяжелые. Потом щелчок замка. Дверь открылась.

На пороге стоял он. Николай. Высокий, худой, в очках с толстыми линзами. Он был одет в простую серую одежду, которая казалась чистой, почти новой. Его лицо было бледным, но глаза... Глаза были такими же, как в тот день. Темными, глубокими, как бездна. Он смотрел на нее без удивления. Без страха. Смотрел так, будто ждал ее. Будто знал, что она придет. Будто это было частью какого-то плана. Какого-то расчета.

— Ты пришла, — сказал он тихо. Голос у него был спокойный, ровный. — Я знал, что ты придешь. Заходи.

Дарья переступила порог. Дверь за ней закрылась, отрезав ее от мертвого мира. Внутри дома пахло озоном и кофе. На

столе горела лампа. Компьютер работал. На мониторе мелькали какие-то графики. Цифры. Символы. Что-то, что она не могла понять.

— Что это? — спросила Дарья, кивнув на экран. — Что произошло?

Николай подошел к столу, взял чашку с кофе. Он не смотрел на нее. Он смотрел на экран. На графики. На цифры. На символы, которые, казалось, были для него важнее всего остального. Важнее ее. Важнее мира. Важнее самой жизни.

— Это конец, — сказал он просто. — И начало. Я ждал этого. Но я не думал, что это случится так скоро.

Он повернулся к ней. В его взгляде было что-то, от чего у Дарьи по спине пробежал холодок. Это была не жалость. Не любовь. Это было знание. Он знал что-то, чего не знала она. Он знал что-то, что могло изменить все. Или разрушить все. Что-то, что было опаснее ядерного удара. Опаснее радиации. Опаснее самого конца света.

— Ты осталась жива, — сказал он. — Это хорошо. Ты мне нужна.

Дарья сжала рукоятку пистолета. Она не понимала, угроза

он или спасение. Но она знала одно: этот человек был ключом. Ключом к выживанию. И, возможно, к разгадке того, почему мир превратился в руины. К разгадке того, что скрывалось за странными чертежами. За странными символами. За странными словами, которые он говорил.

— Кто ты такой, Николай? — спросила она. — И что ты знаешь?

Он улыбнулся. Слабо, уголками губ. Улыбка была печальной и какой-то обреченной. Улыбка человека, который знал слишком много. Который видел слишком много. Который потерял слишком много.

— Я тот, кто пытался предупредить, — сказал он. — Но меня никто не слушал. Кроме тебя. Ты искала меня. Ты помнила мой адрес. Значит, ты верила. Или, по крайней мере, сомневалась. А сомнение — это первый шаг к истине.

Он подошел ближе. Дарья не отступила. Она смотрела ему в глаза. В них не было безумия. Только усталость и холодный расчет. Расчет человека, который знал, что делает. Который знал, что говорит. Который знал, что будет.

— Теперь мир другой, — продолжил Николай. — И правила другие. Если хочешь выжить, тебе придется довериться

мне. У меня есть бункер. Еда. Вода. Оружие. Но у меня нет того, что есть у тебя.

— Чего? — спросила Дарья.

— Инстинктов, — ответил он. — Ты — детектив. Ты умеешь выживать в хаосе. Ты умеешь принимать решения. Ты умеешь видеть то, что другие не видят. А я — ученый. Я умею думать, но я не умею жить в этом новом мире. Нам придется работать вместе.

Дарья посмотрела на него. Потом на экран компьютера. Потом на дверь, за которой был пепел и смерть. Она сделала свой выбор. Выбор, который, возможно, спасет ее. Или убьет. Но это был выбор. И это было важно. В мире, где все было разрушено, выбор был единственным, что осталось. Единственным, что имело значение.

— Хорошо, — сказала она. — Но если ты совершь мне хоть слово, я тебя убью.

Николай кивнул. Он не испугался. Он взял еще одну чашку и налил ей кофе. Кофе был горячим. Пахучим. Настоящим. В мире, где все было мертво, это было чудом. Маленьким чудом. Но чудом.

— Договорились, — сказал он. — А теперь слушай. У нас мало времени. Скоро здесь будут другие. Те, кто выжил. И они будут искать то же, что и мы. Но у них не будет твоих навыков и моих знаний. Мы должны быть готовы.

Он начал говорить. О чертежах. О генераторе. О том, что он знал о готовящемся ударе. О том, что он пытался построить защиту. О том, что он знал, что это произойдет. О том, что он готовился к этому годами. Дарья слушала, пила кофе и чувствовала, как в ней просыпается что-то новое. Что-то, что было похоже на надежду. Или на отчаяние. Она не знала точно. Но она знала, что этот день, последний день детектива, был не концом. Это было начало. Начало чего-то страшного, но, возможно, необходимого.

Она посмотрела в окно. Там, за стеклом, шел черный дождь. Мир был мертв. Но в этом доме, в этом маленьком островке света и порядка, теплилась жизнь. И Дарья была частью этой жизни. Она снова была нужна. И это было самое главное.

Она допила кофе и поставила чашку на стол. Рядом с чашкой Николая. Две чашки. Два человека. Один мир. Разрушенный, но не сдавшийся.

— Ладно, — сказала она. — С чего начнем?

Николай улыбнулся. Уже шире. Уже теплее. Улыбка человека, который нашел то, что искал. Который нашел того, кто ему нужен. Который нашел надежду.

— С плана, — сказал он. — У нас есть план. И у нас есть мы. Этого достаточно.

Он развернул на столе карту. Старую, бумажную карту. На ней были отмечены красные зоны. Зоны смерти. И зеленые зоны. Зоны жизни. Одна из них была здесь. В этом доме. Другая — далеко на севере. Там, где, по словам Николая, был бункер. Настоящий бункер. С запасами еды, воды, оружия. С воздушными фильтрами. С генераторами. С людьми. С жизнью.

— Идем на север, — сказал он. — Через неделю. Когда дождь прекратится. Тогда начнется наша новая жизнь.

Дарья кивнула. Она смотрела на карту и думала о том, что этот день, который начался как обычный рабочий день, закончился концом света. Но для нее он закончился не смертью. Он закончился встречей. Встречей с человеком, который, возможно, станет ее спасением. Или ее проклятием. Она не знала ответа. Но она была готова узнать. Она была детективом. И ее дело не было закрыто. Оно только начина-

лось.

Она посмотрела на Николая. Он смотрел на карту. Его пальцы скользили по бумаге, отмечая маршрут. Он что-то бормотал себе под нос. Цифры. Координаты. Расстояния. Он был в своей стихии. В мире расчетов и планов. В мире, где все было логично. В мире, где не было места хаосу. Но хаос был снаружи. Хаос ждал. И Дарья знала, что рано или поздно им придется с ним столкнуться.

— Николай, — сказала она.

Он поднял голову. Посмотрел на нее. В его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Что-то теплое. Что-то человеческое. Что-то, что пряталось за маской холодного ученого. Что-то, что, возможно, было любовью.

— Что? — спросил он.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что ты здесь. За то, что ты ждал. За то, что ты не сдался.

Он улыбнулся. Улыбка была печальной и какой-то обреченной. Но в ней была и надежда. Надежда на то, что даже в мертвом мире можно найти что-то живое. Что-то стоящее. Что-то, ради чего стоит бороться.

— Я ждал тебя, — сказал он. — Я всегда ждал тебя. С того самого дня, когда ты вошла в мой кабинет. С того самого дня, когда ты посмотрела на меня своими серыми глазами. Я знал, что ты придешь. Я знал, что ты найдешь меня. Я знал, что мы будем вместе. Даже если весь мир превратится в пепел.

Дарья ничего не сказала. Она просто смотрела на него. И в этот момент, в этом маленьком доме, среди руин мертвого мира, она почувствовала что-то, чего не чувствовала давно. Что-то, что было похоже на тепло. Надежду. Жизнь.

Она взяла его за руку. Его пальцы были холодными. Но в них была сила. Сила, которая могла изменить все. Сила, которая могла спасти их. Или уничтожить.

— Идем на север, — сказала она. — Вместе.

Он кивнул. И они начали собираться. Готовиться к пути. К новой жизни. К новому миру. Миру, который был мертв. Но в котором все еще теплилась жизнь. В котором все еще была надежда. В котором все еще была любовь.

Дождь стучал по крыше. Ветер выл за окном. Мир был мертв. Но в этом доме, в этом маленьком островке света и

порядка, два человека готовились к тому, чтобы начать всё заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.